DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-93-100

ИНАКОВОСТЬ В РОМАНЕ И. УЭЛША «НА ИГЛЕ»

М.Р. Булатов, Л.Ф. Хабибуллина
Казанский (Поволжский) Федеральный Университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская 18

Ирвин Уэлш – один из самых известных представителей британского литературного постмодернизма конца XX века, сохраняющий популярность в молодёжной среде. Благодаря социальной направленности творчество писателя изучается не только с позиции литературоведческих дисциплин, но и с позиции различных социогуманитарных наук. В настоящей статье мы освещаем его творчество исходя из литературоведческих принципов, рассматривая вместе с тем культурологические, философские и социологические смыслы произведения. Инаковость, социально-философская категория, которая требует междисциплинарного подхода, при изучении романа «На игле» раскрывается с новой стороны. Для анализа произведения мы оцениваем культурно-историческую ситуацию конца XX века в Британии, связанную с деконструкцией устоявшихся классовых, этнических, гендерных типов идентичности. На фоне этих тенденций в шотландском обществе того времени вопросы идентичности и инаковости становятся актуальными: происходит формирование нового индивидуалистического образа мышления, повышается уровень свободы самоидентификации. Отражение этих сложных и глубоких процессов составляют основу творческого замысла И. Уэлша. Анализируя образную систему произведения, мы рассмотрели три, на наш взгляд, наиболее важных аспекта инаковости: этнический, гендерный и экзистенциальный.

Ключевые слова: *шотландская литература, постмодернизм, инаковость, Иной, Другой.*

Ирвин Уэлш (англ. Irvine Welsh, род. 1958) – известный во всем мире шотландский писатель, который раскрывает с новой стороны шотландскую реальность, её «тёмную» сторону. Как яркий представитель постмодернистского направления литературы И. Уэлш интересуется проблемными сторонами жизни общества. Исследователи его творчества (Б. Шене, М. МакГуайр, П. Хортон) считают, что важной составляющей проблематики его романов являются трудности, с которыми сталкиваются представители беднейших, наименее образованных и социально незащищённых групп общества [10; 12; 13].

«На игле» (*Trainspotting*, 1993) – дебютный роман И. Уэлша, который по настоящее время остаётся его самым известным произведением. По мнению критиков, в этом произведении писатель сумел ёмко и глубоко раскрыть актуальные для общества проблемы, выбрать наиболее подходящих для этого персонажей и привлечь тем самым широкие массы читателей. В романе «На игле», как и во многих других произведениях И. Уэлша, поднимаются культурные, социальные и политические темы. В произведении писатель повествует о шотландских реалиях 80-х годов XX века, акцентирует внимание на жизни молодого поколения шотландцев, испытывающего сложности при получении образования, поиске работы, обеспечении себя средствами существования. Герои романа не принимают общепринятые мораль и ценности, теряются при экзистенциальном поиске, испытывают затруднения при самоидентификации. В равной степени автора интересуют проблемы (пост)классовой, этнической и гендерной идентичностей героев.

Одними из значимых категорий для современных исследователей в области социогуманитарных наук являются «другость» и «инаковость». В истории они имеют корни в оппозиции

«Свой – Чужой», с древних времён отсылающей к чуждости и враждебности человеку окружающего его природного мира, позже – к этнической, национальной и религиозной «чуждости». Принципиальное отличие между Чужим и Другим – в невраждебности последнего в отношении «Своего»: между Своим и Другим появляется возможность познания и перспектива сотрудничества. Отличительная особенность постмодернистского взгляда на Другого – в принятии его в качестве структуры, производящей субъекта, создающей его самоидентификацию, опосредующей его механизм мышления и речи. Т. Хацкевич утверждает: в современной культуре Другой объявляется важным для соотнесения, «взаимного конструирования» с субъектом, «производства» самого субъекта и его самоидентификации, он субъективизируется и «реабилитируется» [6, с. 8]. В XXI веке в научной и политической среде отношение к Другому унаследовало эти взгляды: широко исследуются новые разнородные явления, не вписывающиеся в рамки традиционных бинарных оппозиций. Е.Н. Шапинская, изучающая репрезентации Другого в культуре, утверждает, что в рамках постмодернистских концепций множественности и политики мультикультурализма подчёркивается разнообразие и «многоголосие» Другого [7, с. 253].

В современном российском научном дискурсе принято также выделять отличное от Чужого и Другого понятие «Иного». Иной – это термин, обозначающий современный, постмодернистский статус Другого, прошедшего «реабилитацию» и субъективизацию. Смысл «инаковости» Иного заключается не только в его множественной реальности, что было возможно ещё для Другого, но также в осознании и принятии такой реальности как его собственной имманентной черты. Для Иного существует возможность изучить свою природу с собственной перспективы «Я как Другого», и этот «взгляд изнутри» часто находит отражение в культуре.

Методологической основой нашего исследования стали философско-культурологические исследования Е.Н. Шапинской и литературоведческие работы Д.О. Половцева. Неотъемлемой чертой Иного является его восприятие в качестве Другого окружающим обществом, что даёт нам основание сформулировать для него следующее определение: это Я, выступающее Другим в отношении общества (Я как Другой), и сформировать оппозицию «Иной-Общество» [4, с. 78]. Инаковость в нашем исследовании будет выступать в качестве внутреннего, имманентного свойства Иного, способа его репрезентации. Кроме того, мы адаптируем для своего исследования классификацию Другого Е.Н. Шапинской, выделив, наряду с общепринятыми гендерно-обусловленным и этническим Иным, экзистенциальный тип Иного [7, с. 312].

В литературе Иной герой берёт истоки ещё из поэзии эпохи романтизма начала XIX века. Романтические герои Дж. Байрона, У. Вордсворта, Новалиса и других писателей демонстрируют неприятие буржуазных ценностей начала XIX века, причиной которому стало разочарование в идеалах Просвещения и примате рациональности [3; 8]. Среди философской литературы экзистенциализма середины XX века исследователь Ф. Мамеч отмечает Иного в произведениях А. Камю. В хаотическом, лишённом гармонии мире писателя Иные подвергаются общественным отчуждению и изоляции [11, p. 6].

Роман И. Уэлша «На игле» описывает множество Иных персонажей как разновидности Других в современной культуре. Злободневность произведения и его массовая известность на время публикации предопределили значение романа как конструирующего самоидентификацию Иных в британской и мировой культурах. Это обеспечивает его актуальность в качестве объекта для изучения инаковости, формирующейся в личности в ситуации слома культурных норм и ценностей, при переходе из одной культурной парадигмы в другую.

Роман состоит из глав, рассказанных от первого лица разными персонажами, с разных точек зрения и с использованием разных идиолектов. Это позволяет нам проникнуть в разум сразу множества персонажей, предлагая разноплановое, «многоголосое» повествование. Сюжет романа, таким образом, разрознен и в целом представляет собой жизнеописания нескольких десятков персонажей. Основные герои романа – небольшая компания друзей, объединённых прежними школьными связями и совместно проводимым досугом. Место действия романа принципиально важно: это городской округ Лит, депрессивная окраина Эдинбурга, населённая потерявшими работу и обедневшими представителями рабочего класса. Мы подробно рассмотрим образы трёх персонажей из этой компании: Марка «Рентса» Рентона, Саймона «Дохлого» Уильямсона и Фрэнсиса «Франко» Бегби. В романе подробно описывается преодо-

ление героями мелких бытовых конфликтов и напастей, попытки заработать на жизнь, чаще всего незаконным путём. Особое место в сюжете занимают старания героев пережить наркотическую зависимость и бросить героин: Марк и Саймон разными способами с разным успехом пытаются перестать употреблять этот наркотик. Одной из таких попыток роман завершается: получив после одной из совместных афер крупную сумму денег, Марк крадёт сумку с выручкой и бежит в Амстердам.

Основным социальным подтекстом произведения являются социо-культурные проблемы, с которыми столкнулись шотландцы в 80-е годы XX века, и их последствия. В 60-70-х гг. XX века в Великобритании были популярными «массовые и мифические институты»[1] коллективизма, классовой солидарности, развитых профсоюзов. В 80-е годы, благодаря политике неолиберализма под руководством Маргарет Тэтчер, в стране начался кризис идеологического, классового и коллективного сознания, коллективизм сменился рыночной конкуренцией, ускорилось формирование постиндустриального общества и общества потребления. Произошла смена культурных парадигм: идентичность больше не сводилась к классовой принадлежности, а рабочий класс был объявлен «враждебным обществу»[2]. С одной стороны, такая ситуация значительно повышала социальную мобильность, свободу самовыражения и постулирования идентичности. С другой стороны, шотландцы, лишённые функционировавших десятилетиями ценностно-нормативных установок, впервые обнаружили себя в этой свободе и не имели представления, как ей пользоваться. Ситуацию усугубили массовая безработица, бедность, упадок эффективности государственных структур и социальных институтов в Шотландии. Сохранять идентичность, унаследованную от старшего поколения, не представлялось возможным, в то время как ухудшившееся общественное положение не позволяло им стать полноценными членами общества потребления, – шотландцы оказывались в состоянии аномии, то есть неопределённости в нормативно-ценностной сфере общества и личности.

Роман «На игле» с разных сторон подходит к проблемам самосознания личности в Шотландии конца 80-х годов. Он отражает этническую ситуацию в шотландском обществе второй половины XX века: на волне общемирового подъёма самосознания малых этносов шотландцы также задумались о своей этнической инаковости и поставили под вопрос устойчивость своей принадлежности к британской нации и близости к другим народам Великобритании. С формированием «шотландскости» у этого народа развился антагонизм в отношении остальных британских народов, в первую очередь, англичан. Исследователи этнического аспекта романа склонны считать шотландцев колонизированным народом, а шотландскую этническую идентичность 80-х годов – постколониальной [10; 12; 13]. Неолиберальная политика Великобритании этой эпохи притесняет «шотландскость» и навязывает ей на замену идентичность и культуру британского общества потребления. Исследователь П. Хортон отмечает антагонизм героев романа, «сконструированный против демонизированного Другого: протестанта, англичанина и империалиста» [10, с. 227].

Марк Рентон, один из главных героев романа, выражает негативное отношение к «английскости»: «нами правят изнеженные [придурки]» [5, с. 88]. В то же время, он недоволен и результатом совмещения двух культурных идентичностей, шотландской и английской, то есть «британскостью»: «Во что они превращают нас? В шваль, мерзавцев, подонков общества» [5, с. 88]. Британцы, по его мнению, – «это уродливая, искусственная нация» [5, с. 250]. В конце концов, Рентон высказывается и о самих шотландцах: «Не надо сваливать всю вину на англичан, которые нас завоевали. <…> Я ничего не имею против англичан. <…> Я ненавижу шотландцев» [5, с. 88]. Дальше по повествованию взгляды Марка приближаются к анархическим, когда он утверждает, что «никогда по-настоящему не чувствовал себя шотландцем» [5, с. 250], что сама идея страны вызывает у него неприятие: «Я никогда не испытывал никаких <…> чувств к другим странам, кроме полного отвращения. Большинство из них нужно упразднить. Замочить всех <…> паразитов-политиков, которые <…> торжественно лгут или изрекают фашистские пошлости в костюме и с вкрадчивой улыбочкой» [5, с. 250]. Подобное разочарование не только в

[1] Оригинальное высказывание принадлежит И. Уэлшу: “I’m more interested in moving in and out of different cultures, getting away from those massive, mythical institutions” (наш источник – работа П. Хортон [10]).

[2] См. знаменитую речь М. Тэтчер к комитету 1922 года. – URL: https://www.margaretthatcher.org/document/105563 (дата обращения: 05.06.2019).

возможности самоидентификации с помощью национальности и этноса, но в самих этих категориях – это один из ярких признаков аномии.

Другой важной темой романа становятся тенденции внутри шотландского общества, связанные с современной гендерной проблематикой: трансформация гендерной идентичности, упадок шотландской маскулинности, упадок патриархальных семейных ценностей в обществе. С. Хербрехтер и Б. Шене утверждают: в современном обществе, где доминирует идеал «гегемонической маскулинности», то есть белый западноевропейский мужчина-представитель среднего класса, мужчине- представителю шотландского рабочего класса заведомо предопределено маргинальное общественное положение [9; 13]. Многие персонажи романа испытывают определённые сложности при самоидентификации, оказавшись в «постгендерном» обществе, где гендер деконструирован, не предписывается биологическим полом и даже воспитанием, а может быть динамичен и выборочен.

В мужских персонажах романа «На игле» явно прослеживается кризис маскулинной идентичности, который в первую очередь выражается в деконструкции образа «шотландского сурового мужчины». Этот процесс раскрывается в персонаже Френсиса «Франко» Бегби, и благодаря этому он выделяется на фоне других героев романа, являясь одним из самых противоречивых и интересных образов в романе. На первый взгляд, это личность с наиболее ярко выраженными маскулинными чертами: он агрессивен, напорист, твёрдолоб, властен. В эпизоде романа, происходящем на заброшенном вокзале Лита, Бегби с друзьями случайно встречает своего отца, нищего и бездомного. Герой не подаёт вида, однако вскоре после этого он выплёскивает эмоции, избив первого попавшегося под руку прохожего. Внезапно Франко оказывается одной из потерянных душ романа: из этого эпизода следует, что и этот персонаж пережил сложное детство, которое формирует его нынешний внутренний конфликт, тщательно скрываемый Бегби.

Мы выделяем в творчестве И. Уэлша новую разновидность Другого: это экзистенциальный Иной, понимаемый нами как результат системы взаимоотношений между «Я как Другой» и обществом. Экзистенциальный Иной, совсем недавно появившийся в современном обществе, рождается из пепла классовой идентичности, пробуждается к жизни неолиберализмом, индивидуализмом, капиталистической конкуренцией. Этот тип Иного начинает отчётливо проявлять себя в ситуации аномии, когда социальная регламентация, нормы и ценности не имеют силы. Экзистенциальная инаковость, в отличие от прочих разновидностей этой категории – это внутреннее качество, оно «проявляется как основной принцип построения своего жизненного мира» [7, с. 313], как сила, проводящая границу между личностью и толпой. Следовательно, при совершении выбора экзистенциальные Иные опираются, в первую очередь, на собственную внутреннюю субъективность, а не на внешние требования окружающих.

Марк «Рентс» Рентон – это наиболее важный персонаж для исследования экзистенциальной инаковости в романе. Марк обладает подчёркнуто выраженным самосознанием и эрудицией, имеет познания в мировых философии и искусстве. Мы уже выяснили, что Рентон не воспринимает этнические и национальные категории, но он также не способен найти себя в шотландском обществе в целом: «общество нельзя так изменить, чтобы оно стало принципиально лучше, а меня нельзя так изменить, чтобы я к нему приспособился. Эта ситуация вызывает у меня депрессию, вся злость обращается вовнутрь» [5, с. 206]. Герой часто чувствует себя лишним в компании своих друзей и знакомых и ощущает к ним презрение. В одной из сцен романа «На игле», когда компания из друзей и родственников Марка собралась отпраздновать его освобождение от тюремного срока, он удивляется их циничному отношению к Дэниэлу «Картошке» Мерфи, по тому же самому обвинению попавшему в тюрьму, пренебрежением чувствами его матери и их товарищем Метти, умирающим от ВИЧ-инфекции: «Что я здесь делаю? [Сумасшедшая] выходка излишне любопытного, отсталого ублюдка Билли. <…> Мамаша, пьяная и развязная, Дохлый… сука. Картошка в тюряге. Метти в больнице, и никто его не проведает, никто о нём даже не вспомнит, будто его никогда и не было» [5, с. 195].

В другом монологе Марк выражает своё недоверие к мнению психотерапевта, которое он приравнивает к навязанной ему общественной точке зрения: «ты начинаешь им [психотерапевтам] доверять и позволяешь им навязывать себе какую-нибудь чёртову теорию поведения, которую им захотелось к тебе применить. Отныне ты в их полной власти: зависимость от наркотиков сменяется зависимостью от них» [5, с. 206]. Герой осознаёт собственную инаковость и совер-

шает выбор в пользу неё на основе собственных, субъективных представлений и без обращения к Другому, без соотнесения с магистральной культурой и общественным мнением – это основа экзистенциальной инаковости.

Марк протестует против жизненных целей, предлагаемых ему современным обществом, в одном из своих монологов иронически сводя жизнеописание человека постиндустриальной эпохи к последовательности «выборов», большая часть которых является выбором товаров или ассоциируется с этим: потребление дорогих брендовых товаров, семейный быт, дети, старость перед телевизором и т.п. Человек может приобрести ту или иную марку стиральной машины или автомобиля, так или иначе воспитывать детей, иными словами, выбрать ту или иную идентичность, но суть его жизни останется неизменно трагичной и жалкой. В этих мыслях Марк сходится с философами XX века Ж. Бодрийяром, Г. Маркузе, Г. Дебором, объявляющими о невозможности «истинного выбора», о формировании «субъекта-симулякра» и коммодификации идентичности (для своего исследования мы воспользовались интерпретацией работ этих философов историка философии И. Джохадзе [2]). В обществе, описываемом Марком, любые маргинальные идентичности не являются отклонениями от магистральной культуры, а включены в неё. Можно сказать, что реализация экзистенциальной инаковости путём открытой манифестации себя как Иного в таком обществе невозможна.

Для героев романа «На игле» выходом из такой ситуации становится создание виртуальной игровой реальности, в которой постоянно варьируется динамичная, «флуктуальная», «карнавальная» идентичность. Постмодернистская игра в искусстве лишает «ореола сакральности наличное положение дел», парадоксально сочетает «воспроизведение актуальных стереотипов культуры с их ироническим, «игровым» переосмыслением» [1, с. 292]. Мы видим на примере персонажей романа, как возможно создание игровой реальности и карнавальной идентичности.

Одна из возможностей реализации своей экзистенциальной инаковости открывается Марку в создании альтернативной реальности через употребление наркотиков. «С помощью» героина строится его жизненный субъективный мир: «внутри меня растёт пустота. «Чёрный» заполняет эту пустоту» [5, с. 206]. Героин представляется Марку не дурманом, а отрезвляющей субстанцией, формирующий «истинную» картину мира, освобождённую от любых влияний извне.

Однако «игровая» реальность Марка Рентона создаётся не только при помощи наркотических иллюзий. Как и требуется от экзистенциального Иного в современном обществе, идентичность героя динамична и противоречива: Марк ненавидит шотландцев и в то же время широко использует шотландский диалект, его внутренние философские монологи тяжело свести в одну картину с чередой наркотических и алкогольных кутежей, его увлечение философскими вопросами стоит вразрез с шоплифтингом из книжных магазинов, он обладает нестабильной сексуальной ориентацией. Виртуальный субъективный жизненный мир, сконструированный из «карнавальных» идентичностей-масок Рентона, парадоксальный и «невозможный», обеспечивает экзистенциальную инаковость героя.

Саймон «Дохлый» Уильямсон, как и Марк, обладает динамичной, «текучей» идентичностью и пользуется ей для достижения собственных целей. К примеру, Дохлый с лёгкостью включает мачистское обаяние и соблазняет женщин, а иногда пользуется доверчивостью и обманывает их. Ещё одним примером может служить высокое мнение родителей Рентона о Саймоне: тот всегда старается показать себя пригляднее на фоне остальных героев. Умелое использование лжи и имперсонации, составляющие неотъемлемую часть личности Дохлого, помогают ему жить лучшей жизнью в отличие от остальных персонажей. В своих внутренних монологах герой в циничной манере оценивает и судит своих товарищей, общаясь со своим воображаемым другом. Дохлый прямо противопоставляет себя обществу, считая себя «нумеро уно» (итал. numero uno – номер один). В целом о себе и окружающих он такого мнения: «я <…> один против всего мира, и это игра в одни ворота» [5, с. 37].

Мы можем выделить его экзистенциальную инаковость по признакам неприятия им общественных норм и ценностей, создания собственного индивидуального универсума (это происходит даже буквально, через его широко развёрнутые и глубокие внутренние монологи с воображаемыми персонажами). Эта инаковость, очевидно, является внутренней: она никак не мешает Дохлому взаимодействовать с шотландцами, а его цинизм даже в какой-то степени помогает ему. В этом его отличие от Марка, который в большей степени избегает жизненных трудно-

стей и скорее склонен к пассивному наблюдению. Виртуальная «игровая» реальность, в которой живёт Саймон – это его мошенничество, в ходе которого он «надевает маски» и занимается имперсонацией, манифестируя карнавальные идентичности и погружаясь в эти образы с головой.

Неотъемлемая субъективность экзистенциального Иного не позволяет его разделения с Другим и «присвоения», а значит, внутренний конфликт такого Иного разрешим только такими же, внутренними способами: переосмыслением, изменением субъективной картины мира. Герои «На игле», неспособные к динамичности (к примеру, Бэгби), при всей их свободе самоопределения однозначно позиционируются И. Уэлшем как потерянные в этом мире. Действия, предпринимаемые ими, чтобы выйти из этого положения, ни к чему не приводят: в романе «На игле» налицо постмодернистская обречённость и зацикленность жизни героев, неспособных справиться с наркотической зависимостью и жизненными трудностями.

Таким образом, мы приходим к выводу, что инаковость в романе И. Уэлша «На игле» выражается в новых формах. Концепция экзистенциального Иного нуждается в дальнейшем развитии в исследованиях по философии, культурологии и литературоведению. В романе «На игле» экзистенциальные Иные формируются в сложной ситуации смены нормативно-ценностных парадигм в шотландском обществе, что приводит к проблемам самоидентификации героев. Динамичная идентичность позволяет им успешно ориентироваться в жизненных ситуациях, но также практически лишает их дружеской сплочённости и солидарности. В условиях деградации общественных институтов это приводит героев не только к обособленному от общества существованию, но и к одиночеству, депрессивным состояниям, алкоголизму и наркомании. Исходя из вышесказанного, мы подчёркиваем важную социальную функцию романов И. Уэлша, остро поставившего обозначенные проблемы в своём творчестве.

Список литературы

1. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия / А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
2. Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора / И. Джохадзе // Логос. №5-6. 2001. С.36-48.
3. Затонский Д.В. Постмодернизм в историческом интерьере / Д.В. Затонский // Вопросы литературы. 1996. №. 3. С. 182-205.
4. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория / Д.О. Половцев // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. 2006. № 4(24). С. 74-80
5. Уэлш И. На игле / И. Уэлш. М.: АСТ, 2003. 382 с.
6. Хацкевич Т. М. Своеобразие художественного воплощения проблемы инаковости в творчестве Дж. Уинтерсон: дисс.… канд. филол. наук. Казань, 2015. 227 с.
7. Шапинская Е. Н. Избранные работы по философии культуры. / Е.Н. Шапинская. М.: Согласие, 2014. 456 с.
8. Ansari M. S. William Wordsworth as Philosophical Escapist: A Critical Evaluation / M.S. Ansari // Language in India. 2018. V. 18:2. pp. 33-48.
9. Herbrechter S. From Trainspotting to Filth: Masculinity and Cultural Politics in Irvine Welsh's Writings / S. Herbrechter // Subverting Masculinity: Hegemonic and Alternative Versions of Masculinity in Contemporary Culture. eds.: West R., Lay F. 2000. pp. 109-127.
10. Horton P. Trainspotting: A Topography of the Masculine Abject / P. Horton // English: Journal of the English Association. 2001. V. 50. I. 198. pp. 219-234.
11. Mameche F. Otherness and the absurd in Joseph Conrad's and Albert Camus's fictional works: a comparative study: Ph.D. dissertation. Boumerdès, 2012. 197 p.
12. McGuire M. Irvine Welsh: the novels / McGuire M. // Edinburgh Companion to Irvine Welsh. ed.: Schoene B. Edinburg: Edinburgh University Press, 2010. pp. 19-31.
13. Schoene B. The Union and Jack: British Masculinities, Homophobia, and the Post-nation / B. Schoene, ed. by: B. Schoene, G. Norquayand, G. Smith // Across the Margins: Cultural Identity and Change in the Atlantic Archipelago. Manchester: Manchester University Press, 2002. pp. 83–98.

Сведения об авторах:

Булатов Мансур Рашидович – студент Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ (Россия, Казань). Сфера научных интересов: постмодернистская литература, постмодернистская философия, социальная философия, культурология. E-mail: twelve8922@gmail.com.

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: английская литература, национальный миф. E-mail: fuatovna@list.ru.

OTHERNESS IN IRVINE WELSH'S NOVEL "TRAINSPOTTING"

Mansur R. Bulatov, Liliia F. Khabibullina
Kazan (Volga region) Federal University
420008, Russia, Kazan, 18 Kremlevskaia str.

Abstract: *Irvine Welsh, being one of the most prominent writers belonging to the postmodernist movement of the end of the 20th century, still retains his popularity in youth culture. Due to deep social insight of his works, they are being studied not only by literary scholars, but also by socio-humanitarian researchers. In this article the study of his work is mainly based on literary analysis, but also includes concepts of philosophy, cultural and social studies. Otherness, primarily a socio-philosophical concept, in "Trainspotting" reveals its new shades, which require a multidisciplinary research approach. In our analysis we consider the historical situation in Britain at the end of 20th century closely connected with the elimination and deconstruction of traditional class, ethnical and gender identities. For the Scottish society of that time identity and otherness issues become highly relevant: along with the reforms of economic and social policies, individualistic mindset is being shaped and the freedom of self-identification is enhanced. Irvine Welsh's main creative intention is to reflect on these processes. The analysis of the image system of the novel reveals the most important aspects of otherness illustrated in "Trainspotting": ethnical, gender and existential.*

Key Words: *British literature, Scottish literature, postmodernism, otherness, Other.*

References

1. Gritsanov A.A., Mozhejko M.A. Postmodernizm. Entsiklopediia [Postmodernism. Encyclopedia] / A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko. – Mn.: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. 1040 p.
2. Dzhohadze I. Massovoe obshchestvo i demokraticheskii totalitarizm: svoboda bez vybora [Mass society and democratic totalitarianism: freedom with no choice] / I. Dzhohadze // Logos. no. 5-6. 2001. pp. 36-48.
3. Zatonskii D.V. Postmodernizm v istoricheskom inter'ere [Postmodernism in a historical interior] // Voprosy literatury [Journal "Questions of literature"]. 1996. no. 3. pp. 182-205.
4. Polovtsev D. O. Inakovost' kak filosofsko-literaturnaia kategoriia [Otherness as a philosophical and literary category] / D.O. Polovtsev // Vestnik MGLU. Seriia 1: Filologiia [Journal of Minsk state linguistic university, Series #1: Philology]. 2006. no. 4(24). pp. 74-80.
5. Welsh I. Trainspotting. Secker & Warburg, 1997. 348 p. (Russ. ed.: Uelsh I. Na igle. M.: AST, 2003. 382 p.)
6. Hatskevich T. M. Svoeobrazie hudozhestvennogo voploshcheniia problemy inakovosti v tvorchestve Dzh. Uinterson: diss.… kand. filol. nauk [Specifics of literary expression of otherness in works of J. Winterson. cand. philol. sci. diss.]. Kazan', 2015. 227 p.
7. Shapinskaia E. N. Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. / E.N. Shapinskaia [Selected works on philosophy of culture]. M.: Soglasie, 2014. 456 p.
8. Ansari M. S. William Wordsworth as Philosophical Escapist: A Critical Evaluation / M.S. Ansari // Language in India. 2018. V. 18:2. pp. 33-48.
9. Herbrechter S. From Trainspotting to Filth: Masculinity and Cultural Politics in Irvine Welsh's Writings / S. Herbrechter // Subverting Masculinity: Hegemonic and Alternative Versions of Masculinity in Contemporary Culture. eds.: West R., Lay F. 2000. pp. 109-127.
10. Horton P. Trainspotting: A Topography of the Masculine Abject / P. Horton // English: Journal of the English Association. 2001. V. 50. I. 198. pp. 219-234.
11. Mameche F. Otherness and the absurd in Joseph Conrad's and Albert Camus's fictional works: a comparative study: Ph.D. dissertation. – Boumerdès, 2012. 197 p.

12. McGuire M. Irvine Welsh: the novels / McGuire M. // Edinburgh Companion to Irvine Welsh. ed.: Schoene B. Edinburg: Edinburgh University Press, 2010. pp. 19-31.
13. Schoene B. The Union and Jack: British Masculinities, Homophobia, and the Post-nation / B. Schoene, ed. by: B. Schoene, G. Norquayand, G. Smith // Across the Margins: Cultural Identity and Change in the Atlantic Archipelago. – Manchester: Manchester University Press, 2002. pp. 83–98.

About the authors:

Mansur R. Bulatov – student of Higher school of Russian and foreign philology at the Institute of philology and intercultural communication KFU (Kazan, Russia). Spheres of research interest: postmodern literature, postmodern philosophy, social philosophy, cultural studies. E-mail: twelve8922@gmail.com.

Liliia F. Khabibullina – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and foreign literature at Higher school of Russian and foreign philology. Spheres of research interest: English literature, national myth.
E-mail: fuatovna@list.ru.

* * *